

СОВЕТСКО-ВЕНГЕРСКИЙ СИМПОЗИУМ «СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РАННИХ ФОРМ РЕЛИГИИ»

В соответствии с планом сотрудничества Академий наук СССР и ВНР с 14 по 19 сентября 1981 г. в Венгрии был проведен совместный советско-венгерский симпозиум «Сравнительное изучение ранних форм религии» (ответственные за организацию симпозиума: М. Хоппал — ВНР и В. Н. Басилов — СССР).

Изучение религий — одна из наиболее трудных задач, стоящих перед общественными науками. Классики марксизма-ленинизма сформулировали принципиальные положения, создавшие методологическую основу исследования религий, однако конкретный механизм взаимосвязей между историческими особенностями социальной жизни и религиозной идеологией еще недостаточно изучен и в наши дни. Остаются спорными многие проблемы истории развития религиозных верований человечества. Особенно много нерешенных вопросов связано с ранними формами религии.

В работе симпозиума внимание ученых было сосредоточено на основных вопросах исследования шаманизма (шаманства), которое проливает свет на значительный период начального этапа истории религии. В связи с этим к названию симпозиума прибавился подзаголовок «Шаманизм в Евразии». Симпозиум был посвящен памяти Вильмоша Диосеги (1923—1972), выдающегося венгерского ученого, много сделавшего в области изучения шаманства.

В симпозиуме участвовало свыше 20 венгерских ученых, 5 советских и более 20 ученых из других стран (Англия — 1, ФРГ — 4, Финляндия — 2, Франция — 4, Италия — 5, Дания — 1, Нидерланды — 2, США — 1, Польша — 1).

Официальное открытие симпозиума состоялось 14 сентября в Будапеште, в здании Венгерского этнографического музея, где участников приветствовали директор Института этнографии АН ВНР Т. Бодрог и директор Института лингвистики АН ВНР П. Хайдю. Они отметили большое научное значение симпозиума, а также тот пристальный интерес, который уже свыше двух столетий вызывает в мире науки шаманство.

С докладом «Вильмош Диосеги и его изыскания в области сибирского и венгерского шаманизма» выступил заместитель директора Венгерского этнографического музея Я. Кодолани. Он указал на заслуги В. Диосеги в теоретическом осмыслении различных форм шаманства. Научная деятельность В. Диосеги, подчеркнул Я. Кодолани, связанная с Советским Союзом, где он обрабатывал богатейшие архивные материалы и проводил полевые работы, немало способствовала развитию контактов между учеными ВНР и СССР.

Рабочая часть симпозиума (с 15 по 17 сентября) проходила в г. Шарошпатаке, в здании местного краеведческого музея. Доклады, представленные участниками, были посвящены различным проблемам изучения шаманизма. В нескольких выступлениях поднимались теоретические вопросы, касающиеся определения границ явления, методологических принципов исследования, терминологии.

Так, У. Йохансен (ФРГ) в докладе «Аспекты изучения шаманизма» выделила (в зависимости от подхода и постановки целей) основные направления исследования шаманизма у народов севера Евразии. По ее мнению, для синхронного анализа шаманизма свойственны: парапсихологический подход (изучение необычных свойств человеческой психики, как, например, умение узнавать мысли других людей без видимой коммуникации), теологический подход (объяснение шаманизма с позиций христианства), психопатологический, психотерапевтический, социопсихологический и эстетический подход. В диахронном анализе шаманизма докладчик различает два подхода: эволюционистский (определение места шаманизма в схеме развития верований человечества) и исторический (изучение ушедших в прошлое форм шаманизма, основанное на различных исторических источниках). Наиболее перспективными докладчику представляются психиатрический подход с его новейшими исследованиями природы транса, а также социопсихологический, эстетический и исторический подходы.

В. Н. Басилов (СССР) в докладе «Изучение шаманства в советской этнографической науке» охарактеризовал основные достижения советских ученых в области исследования шаманства и рассказал о новых материалах, существенно дополнивших и углубивших накопленные наукой сведения о шаманстве. Докладчик изложил также основные теоретические положения, сформулированные советскими исследователями в ходе изучения конкретного фактического материала на основе марксистско-ленинской методологии. В. Н. Басилов подчеркнул, что вне зависимости от конкретных задач и

аспектов исследования для работ советских этнографов характерен исторический подход, требующий рассматривать явление в его историческом развитии.

И. М. Люис (Англия) посвятил доклад «Кто такой шаман?» проблеме соотношения шаманства и одержимости. Во многих недавних работах британских, американских и французских антропологов проводится резкая грань между этими двумя явлениями, соотносимыми с различными социальными и экономическими структурами. По убеждению докладчика, такой подход основан на неправильном понимании действительной связи между этими явлениями, очевидно, внушенном работами М. Элиаде, который в свою очередь неправильно истолковал фундаментальные материалы по тунгусскому шаманству, принадлежащие С. М. Широкогорову. По данным Широкогорова, в тунгусской культуре одержимость теснейшим образом связана с шаманством.

Р. Гилберг (Дания) в докладе «Как отличить шамана от других служителей религиозного культа» высказал мнение, что в характеристике шамана наиболее важным элементом является вера в способность его души совершать путешествие в иные миры. Он сказал также, что шаманизм как религиозный комплекс ярче выявляется в кризисных ситуациях, когда шаман влияет на «нижний уровень напряженного состояния» общества.

В. Фойт (ВНР) в докладе «Шаман — личность или слово?» привлек внимание участников к спорным вопросам исследования шаманства, среди которых наименее ясной представляется проблема личности шамана. Для ее изучения особенно важны сведения о социальной роли «малых» и «великих» шаманов, их имущественном положении, социальных корнях «шаманской болезни», психологических особенностях шаманской деятельности. Необходимо также более углубленное исследование шаманской «аристократии» у ряда народов, роли шаманов в античных культурах.

Значительная часть докладов была посвящена различным аспектам шаманизма (шаманства), составлявшего еще в недавнем прошлом существенную часть традиционной культуры многих народов мира.

Л. В. Хомич (СССР) в докладе «Проблемы развития ранних форм религии у народов Сибири и Севера» рассказала о работе ленинградских этнографов по изучению шаманизма за последние годы. Результаты работ опубликованы в четырех сборниках. Можно считать обоснованным вывод, сказала докладчица, что различие форм шаманизма у народов Сибири и Севера объясняется причинами стадиального и этногенетического характера. Ясно определен ряд проблем, работа над которыми должна быть продолжена (в частности, критерий выделения шаманов из числа других лиц, связанных с отправлением культов).

Ю. Пентикьяйнен (Финляндия) посвятил свой доклад «Саамский шаман — посредник между тремя мирами Вселенной» лопарскому шаманству. Будучи одним из основополагающих элементов религии саамов, шаманство отражает космологические воззрения народа, а шаман (*ноайде*) выступает как посредник в сакральном взаимодействии мира людей с верхним и нижним мирами, поддерживая таким образом необходимое равновесие как в других мирах, так и в жизни человеческого общества.

М. Янкович (ВНР) в докладе «Космические модели и бубны сибирских шаманов» высказал убеждение, что рисунки на шаманских бубнах отражают астрономические знания, иллюстрирующие концепцию мирового яйца и трех миров, «теорию плоской земли», заключенной в круге, идею мировой горы и мирового дерева и т. д. Эти рисунки могут быть поняты как геоцентрическая интерпретация солнечной системы, выраженная в понятиях и образах, которые сложились в глубокой древности и были известны широкому кругу народов.

Л. Деллаби (Франция) в докладе «Зов из потустороннего мира и человеческая ностальгия» высказала мысль о том, что в основу нивхских религиозных представлений о шаманах, а также о людях, считавшихся возлюбленными медведей, об охотниках, убитых медведями, о больных психической болезнью к'маз'нд легла идея о связи людей с духами, прежде всего с горными духами, принимавшими облик медведей. По мнению докладчицы, главная разница между шаманом и другими людьми, привлечшими внимание духов, состоит в том, что духи стремятся взять избранников в свой мир и принести им смерть, а шаман избегает смерти и служит посредником между людьми и духами.

В докладе М. Массендзио (Италия) «Некоторые версии мифического происхождения шаманства и смерти» говорилось о том, почему шаманство и смерть так тесно соединены в мифологии сибирских народов. Докладчик пришел к следующим выводам: 1) в мифах шаманы помещаются в той части космологической схемы, где пере-

секаются человеческий мир и сверхъестественные сферы; 2) мифы отражают концепцию, согласно которой человеческое существование рассматривается как соединение жизни и смерти.

Е. Василевский (ПНР) в докладе «О некоторых бинарных категориях в символическом языке азиатского шаманизма» выделил, основываясь на собранных в Монголии полевых материалах, наиболее существенные бинарные оппозиции, объясняющие символический язык шаманизма в Северной и Центральной Азии. Докладчик рассматривает эти бинарные оппозиции как «часть более широкого комплекса дуалистических категорий, присущих общей магико-ритуальной системе архаических культур региона».

Группа докладов была посвящена разным аспектам общественного положения, социальной роли шаманов.

Я. Оостен (Нидерланды) в докладе «Дневник Теркеля Матиассена» проанализировал записки датского археолога, прошедшего зиму 1922—1923 гг. на о. Саутхемптон среди небольшой группы эскимосов. Материалы дневника позволяют заключить, что почти каждый взрослый эскимос считал себя шаманом (*ангаккут*), но далеко не каждый был им признан окружающими.

Ж. Карро (Франция) построил свой доклад «Роль шамана у якутов» на материалах якутского обычного права, которые рисуют шамана как представителя родовой общины, обязанного оберегать род, защищать его интересы. Докладчик подчеркнул особую, почетную роль шамана в якутском обществе в конце XIX в.

И. Кортт (ФРГ) в докладе «Шаман как представитель своей группы», основываясь на сибирских материалах, пришел к заключению, что шаман во время камлания рассматривался окружающими как воплощение своей группы, иначе говоря, его «Я» превращалось в сакральное «Мы». Эта связь шамана с коллективом видна, по мнению докладчика, уже в начальный период становления шамана и особенно подчеркивается в обрядах инициации, когда посвящается, по существу, вся группа; мистическая смерть шамана и его «рождение» символизируют «смерть» и новое «рождение» всего коллектива.

В. Хейссиг (ФРГ) в докладе «Шаманский миф и клановая эпика» поддержал существующую точку зрения, что у ранних монголов шаманы были главами родов и племен. В свете этого предположения он рассмотрел монгольскую легенду об Оло́те.

Р. Амайон (Франция), выступившая с докладом «Есть ли типично женское шаманство в патрилинейных обществах наподобие бурятского?», указала, что в мифах ряда народов первыми шаманами изображается либо женщина, либо ее дитя от сверхъестественного существа; в поверьях шаманкам приписывают большее могущество, чем шаманам. По мнению Р. Амайон, между мужским и женским шаманством нет принципиальной разницы и допущение женщины к шаманскому служению не противоречит идеологии патриархального уклада.

М. Татар (ВНР) в докладе «Защищающие природу табу в монгольских обычаях» рассмотрела комплекс монгольских традиций, целью которых, по ее мнению, была охрана природы: 1) табу, охраняющие чистоту природы; 2) предписания возвращать природе часть убитого животного или давать что-либо взамен предметов, взятых человеком для его нужд; 3) предписания давать природе что-либо, часто изображение, ради сохранения жизни больного животного или человека. Часть этих обычаев была вплетена в ритуальную практику шаманов.

Наряду с докладами, целью которых был анализ структуры или особенностей мифологии, верований и обрядности, присущих шаманству того или иного народа (народов) на определенном историческом этапе, на симпозиуме были представлены доклады, в которых выяснялись различные закономерности процесса исторического развития шаманизма (шаманства) как специфической формы религии или культа.

Два докладчика говорили о возможности привлечения археологических материалов, в частности наскальных рисунков, для понимания генезиса или специфики ранних форм шаманизма.

А.-Л. Сиикала (Финляндия) в докладе «Наскальное искусство и шаманизм (Проблема финского шаманизма в свете новых археологических находок)» обосновала предположение, что открытые недавно в Южной Финляндии петроглифы, датируемые периодом от 3 тыс. лет до н. э. до 500 г. н. э., имеют отношение к ритуалам, связанным с почитанием лося. Эти ритуалы были характерны для культур охотников на лося и соответственно для их шаманского культа, включавшего в себя и церемонии, объектом которых выступал лось.

М. Хоппал (ВНР) в докладе «Сибирское наскальное искусство и ранние формы шаманизма» сделал критический обзор последних работ советских ученых о сибирских петроглифах, отметив, что эти публикации почти неизвестны западной науке. Он проанализировал несколько изображений человека, трактуемых как «шаманы» (фигуры с птичьей головой, с головой в виде солнца, в масках, с рогами и т. п.). По мнению докладчика, неопровержимых доказательств, что изображены шаманы, нет, но дальнейшая работа по дешифровке может привести к установлению истинного смысла первобытных рисунков.

Т. М. Михайлов (СССР) в докладе «Основные закономерности развития ранних форм религии (на примере тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири)» наметил основную линию эволюции традиционных религиозных верований населения региона, начиная с эпохи неолита и бронзы, кончая средневековьем и новым временем. Он рассмотрел исторические условия возникновения и развития центральноазиатского шаманизма, его структуру и функции, а также роль этнических и историко-культурных процессов в формировании шаманизма тюрко-монгольских народов.

Е. А. Алексеенко (СССР) в докладе «Общее и особенное в шаманстве народов Сибири» обосновала тезис, что шаманство, будучи универсальной формой общественного сознания, в каждом конкретном своем проявлении связано с условиями образа жизни того или иного народа и с его историческим прошлым. В основу доклада были положены материалы, полученные автором у кетов в 1970-е годы. Е. А. Алексеенко указала, что при общности черт шаманства у разных групп кетов в конце XIX — начале XX в. в его структуре распознаются два пласта, имеющих неодинаковое происхождение и связанных с разными этническими традициями.

Вопрос о наличии в шаманстве того или иного народа разных по происхождению элементов был поставлен в докладе Р. Аустерлица (США) «О терминологии нивхского шаманства: „кас“ (бубен) и другие термины». Используя свои полевые материалы, собранные в 1956—1957 гг. среди нивхов на о. Хоккайдо, докладчик показал синкретический, разнородный характер терминов, связанных с шаманским культом, среди которых отдельные слова могли быть заимствованы из тунгусских, китайского и айнского языков.

В. Н. Басилов (СССР) в докладе «Духи чильтаны. К изучению закономерностей в развитии ранних форм религии» проанализировал среднеазиатские представления о духах чильтанах, которые выступают в разных сферах традиционных верований: и в облике мусульманских святых, и в виде шаманских духов-помощников. Сравнительное изучение представлений о чильтанах позволяет выявить некоторые закономерности развития демонологических образов шаманского культа.

П. Вереш (ВНР) в докладе «О проблемах изучения шаманства у обских угров» развил мысль В. Диосеги о том, что распространенное в научной литературе положение о неразвитости шаманства у обских угров ошибочно. Докладчик считает, что шаманство обских угров в том виде, в каком оно известно по этнографическим материалам, представляет собой слабые пережитки прежнего культа, выродившегося вместе с разложением былой общественной структуры обских угров.

Несколько докладов было посвящено пережиточным формам шаманства.

М. Иштванович (ВНР) в докладе «О пережитках шаманства у грузин» рассмотрел традиционную фигуру хевсурского «к'адаги» — прорицателя, включавшегося в иерархию служителей святилища. Вслед за Т. Очиаури докладчик отмечает у «к'адаги» черты, свойственные шаману, — посредническую связь с миром духов, экстаз, соответствующую мифологию и обрядность. М. Иштванович подчеркнул связь ритуальной деятельности «к'адаги» с охотничьим культом, с культом мертвых, образующими с шаманством единую систему.

Л. Беше (ВНР) в докладе «Следы шаманизма в идеологии Чингисхана» обратился к основному положению официальной идеологии монголов, согласно которому Чингисхану и его преемникам право на завоевание мира было даровано Вечным Небом. Докладчик высказался против имеющегося в науке мнения о заимствовании этого положения из китайской концепции государства. По мнению Л. Беше, особенности текста «Сокровенного сказания» свидетельствуют о связи рассматриваемого положения с мифологическими воззрениями шаманизма.

Т. Дёмётёр (ВНР) выступила с докладом «Проблема венгерских талтошей-женщин». Она привела интересные документы судебных процессов над «ведьмами» XVI—XVIII вв., в которых упоминаются не только талтоши-мужчины, но и талтоши-женщи-

ны. Судьи видели в них ведьм, но подсудимые отрицали это, утверждая, что талтоши — враги ведьм; многие из них были оправданы. Талтошам-женщинам приписывалась способность лечить, гадать, предсказывать будущее, разыскивать потерянное имущество или спрятанные сокровища, а также сражаться друг с другом, летая по воздуху. По мнению автора, приведенные сведения подтверждают историческую связь талтошей с венгерским шаманством.

М. Хоппал (ВНР) в докладе «Следы шаманизма в венгерских народных верованиях» обобщил данные (в том числе и полученные в ходе полевых работ автора), которые подтверждают мнение о наличии шаманства в дохристианской религии венгров. М. Хоппал указал, что различным поверьям венгров о талтошах соответствуют представления народов Сибири и европейского Севера о шаманах.

Г. К л а н и ц а н (ВНР) в докладе «Элементы шаманизма в истории раннего европейского колдовства» сопоставил фриульские поверья XVI—XVII вв. о наделенных сверхъестественными способностями людях (*бенанданти*) с аналогичными верованиями словенцев о кресниках, сербов и черногорцев о стухах, болгар о нестинарах и венгров о талтошах, которые применяли «шаманскую магическую технику, чтобы обеспечить плодородие в земледелии своих племен, кланов, общин». Докладчик видит здесь историческую трансформацию шаманистских верований и их слияние с представлениями о колдовстве.

Ч. М. Т а к с а м и (СССР) в докладе «Пережитки ранних форм религии среди сибирских народов и проблемы их преодоления» на основании разнообразных источников (прежде всего полевых материалов последних лет) показал, что некоторые ранние формы религиозных верований, в частности шаманство, еще сохраняются в пережиточном виде среди части населения, однако им свойствен процесс быстрой деградации, характеризующийся утратой не только многих прежних черт, но в ряде случаев и самого содержания древних воззрений.

В ряде докладов, представленных на симпозиуме, был сделан аналитический обзор специальной литературы по вопросам шаманства. При этом три доклада носили историографический характер.

Так, Р. М а с т р о м а т т е и (Италия) в докладе «Шаманизм: история, границы и перспективы (исследования)» проследил теоретические истоки книги «Мир магии» (Турин, 1948), написанной известным итальянским ученым Эрнесто де Марлино (1908—1965), и показал, что его концепции в значительной степени определены работой С. М. Широкогорова «Психоментальный комплекс тунгусов» (1935). В работе де Марлино отражены взгляды Широкогорова на шаманство, творчески соединенные с традициями итальянской исторической школы.

Э. З о л л а (Италия) посвятил доклад «Принятие и ценность Карлоса Кастанеды» анализу творчества Кастанеды, получившего широкую известность после 1967 г., когда он выпустил свою первую книгу о встрече с индейцем племени яку Доном Хуаном, учившим его технике экстаза. Полемизируя с авторами, оценившими публикации Кастанеды как писательскую выдумку, Э. Золла поставил своей задачей показать достоверность материалов Кастанеды.

Г. М а р ч и а н о (Италия), напротив, выразила убеждение в том, что книги Кастанеды принадлежат к миру беллетристики и были выданы автором за этнографическое (антропологическое) исследование с целью привлечь внимание публики. В докладе «Карлос Кастанеда: эксперимент в литературе о шаманстве» она детально рассмотрела основные принципы учения Дона Хуана, касающиеся как познания действительности («все, что мы знаем, есть совокупность описаний или образов» и т. п.), так и способностей самого шамана (например, «воля» шамана представляется как сила, исходящая изнутри его тела в виде лучей или светящихся потоков и осязающая предметы окружающей среды), и пришла к заключению, что творчество Кастанеды несет на себе влияние религиозных концепций тольтеков.

Большой интерес участников симпозиума вызвал доклад Э. Б а н ё и (ВНР) «О технике гипноза и экстаза: экспериментальный психофизиологический подход», в котором указывалось на значение исследований в области гипноза для понимания специфики шаманского экстаза. Э. Банёи сочла односторонней традиционную концепцию, сближающую гипнотическое состояние со сном; по ее мнению, гипноз есть измененное состояние сознания, которое может быть вызвано в экспериментально контролируемых условиях и проявиться как в понижении, так и в повышении активности человека, подвергнувшегося гипнотическому внушению. Она рассказала о гипнотических опытах с применением велотренировочной установки, в ходе которых испытуемые приводились

в гипералертное состояние, характеризующееся усиленной активностью и соответственно ощущением избыточных сил. Свойственное этому состоянию отключение от реальности соединено с высокой концентрацией внимания; испытуемый столь чувствителен к требованиям гипнотизера, что откликается даже на пожелания, не получившие словесного выражения. Результаты опытов позволяют думать, что проявления экстазического транса шамана связаны с изменениями в избирательном внимании.

По многим докладам состоялись оживленные дискуссии, которые способствовали более детальному освещению вопросов, обсуждавшихся участниками симпозиума.

Подводя итоги работы симпозиума, глава советской делегации В. Н. Басилов сказал, что встреча в Шарошпатаке была полезной для дальнейшего развития международного научного сотрудничества. Различия во взглядах участников симпозиума не помешали плодотворному обмену мнений, в итоге которого происходит перепроверка и нередко сближение точек зрения. Более того, доклады и обсуждения показали, что различия во взглядах не столь велики; так, исследовательской работе ученых, принявших участие в симпозиуме, свойствен исторический подход. В. Н. Басилов отметил большой научный интерес докладов венгерских коллег, продолжающих изыскания В. Диосеги.

В заключительном слове заместитель директора Института этнографии АН ВНР В. Фойт дал высокую оценку работы симпозиума, отразившего современное состояние исследований шаманизма в разных странах. Указав на целесообразность того, чтобы сосредоточить внимание на разработке спорных проблем, В. Фойт, в частности, выразил убеждение, что исследование пережитков шаманства или явлений, имеющих возможные генетические связи с шаманством, должно вестись на основе тщательно проверенной методики, с учетом иных интерпретаций. В. Фойт подчеркнул настоятельную необходимость создания обобщающего труда, в котором были бы отражены результаты работы поколений ученых и представлены с развернутой аргументацией различные взгляды по узловым проблемам.

Материалы симпозиума предполагается издать отдельной книгой на английском языке.

В. Н. Басилов, М. Хоппал

Коротко об экспедициях

В связи с развернувшейся с 1979 г. подготовкой фундаментального издания «Игры народов СССР» ведется большая работа по собиранию, изучению и систематизации народных игр. Большую работу по собиранию и изучению игр ведет Клуб друзей игры (КДИ) при Московском областном отделении Педагогического общества РСФСР. За годы своего существования (14 лет) Клуб осуществил 32 экспедиции по заданию Института этнографии АН СССР, в ходе которых собрано около 3 тыс. игр и забав разных народов.

В январе—феврале 1981 г. экспедицией студентов Московского государственного и Московского областного пединститутов по маршруту Петрозаводск — Кижы — Медвежьегорский район — Олонец завершилось начатое годом ранее (под руководством А. Н. Кульгускина и С. Н. Егорова) изучение игр Карелии. Члены экспедиции зафиксировали 23 традиционных игры (из 67 записанных здесь в XIX в.), а всего вместе с современными переходными формами игр и забав сделаны записи 283 игр.

В феврале 1981 г. С. В. Григорьев, Л. А. Нисловская и В. А. Ильдяков провели опрос школьников и взрослых в г. Ижевске и пос. Игра Удмуртской АССР по анкете «Мои любимые игры». Выявлено 100 игр и забав, широко распространенных в настоящее время среди удмуртских школьников (в г. Ижевске опрашивались учащиеся, приехавшие сюда из разных районов).

Экспедиция школьного этнографического кружка Лесногородской школы Московской области в марте 1981 г. под руководством Л. И. Григорьевой записывала игры в Батумском районе Аджарской АССР и у студентов Батумского пединститута. Записано 47 грузинских игр.

В июле этот же кружок провел под руководством Л. И. Григорьевой и В. М. Григорьева экспедицию по Ивано-Франковской и Закарпатской областям Украины (г. Коломыя — г. Косов — пос. Верховина — пос. Яремча — г. Рахов — г. Ивано-Франковск — г. Галич с окрестными селами). Анкетирование по спискам игр, записанных на Украине этнографами